

УДК 882.09(043.3)+929Солженицын
ББК 83.3 (2 Рос+Рус) 6-923

С.М. Калашникова

А.И. СОЛЖЕНИЦЫН О ПЕТРЕ I

На материале публицистики А.И. Солженицына и его «повествования в отмеренных сроках» «Красное Колесо» проанализирован образ Петра I, оценочная система координат личности которого в творчестве писателя обосновывается авторской историософской концепцией причинно-следственных связей русской истории, объясняющей катастрофу 1917 г.; доказано, что монологичность и односторонность характеристик Петра I и его преобразований, присутствующая в текстах публицистики А.Солженицына, начинает видоизменяться, встраиваться в сложную историософскую авторскую парадигму, подчиняться историософской стратегии художника, организующей художественное целое «Красного Колеса». Образ Петра I в ситуации оценки Солженицыным феномена монаршей власти приобретает положительную коннотацию за счет используемого художником принципа исторической аналогии.

Ключевые слова: *А.И. Солженицын, Петр I, художественная историософия, «Красное Колесо», историософия монаршей власти.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-21-27

Калашникова Светлана Михайловна – канд. филол. наук, доцент кафедры отечественной литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета

Тел.: 8-928-151-12-38

E-mail: svetkalash@mail.ru

© Калашникова С.М., 2018.

Совершенно особой системой координат для русской литературы стал так называемый «петербургский текст». При этом концептуальное поле этого текста формировалось уже не только в прямой привязке к топосу города, но и через феномен «мифа о Петре». Образ Петра I для многих русских писателей становится точкой преломления их понимания феномена русской истории, узловым ее моментом, механизмом, запускающим в действие историософскую стратегию художника, взаимопроникновение истории и литературы на русской почве происходило именно под знаком историософской рефлексии. Так, свой вклад в формирование «петербургского текста» пытался внести и Л.Н. Толстой, пытавшийся художественно осмыслить историческую эпоху петровских реформ и саму фигуру Петра I. В 1869 г. выходит из печати шестой том «Войны и мира», и в этом же году Толстой отмечает в записной книжке в связи с новым замыслом романа из эпохи Петра I: «Вы говорите: время Петра не интересно, жестоко. Какое бы оно ни было, в нем начало всего. Распутывая моток, я невольно дошел до Петрова времени, в нем конец» [Толстой, т. 61, с. 291]. Толстой затратил много сил на изучение материалов, которые должны были раскрыть перед ним как общее содержание эпохи, так и многочисленные ее детали. «До сих пор не работаю, – писал Толстой Н.Страхову 17 декабря 1872 г. – Обложился книгами о Петре I и его времени; читаю, отмечаю, порываюсь писать и не могу. Но что за эпоха для художни-

ка. На что ни взглянешь – все задача, загадка которой только возможна поэзией. Весь узел русской жизни сидит тут» [Там же, с. 349]. В конце концов Толстой пришел к выводу о том, что «личность и деятельность Петра I не заключали в себе ничего великого, а, напротив того, все качества его были дурные» [Мардов, 2005, с. 294], роман о Петре I и его эпохе так и не был написан, Толстой, столь однозначный в своих оценках исторических личностей, не справился со столь противоречиво им оцененной фигурой Петра I.

А.И.Солженицын, чье творчество столь часто рассматривается в поле традиций Л.Н. Толстого, в своих рассуждениях о причинно-следственных связях русской истории не мог обойти такой важный узловой ее момент, как эпоха Петра. При этом себя как художника Солженицын мыслит в контексте больших возможностей и по отношению к публицистике. При публицистической оценке истории и современности Солженицын монологичен, художественный вариант предоставляет возможности полифонического, объемного изображения: «всякая публицистика однолинейна, а художественная передача – объемна. Стану я сейчас рассуждать о веках самодержавия в России или стану рассуждать о распространении коммунизма по миру – в обоих случаях я буду выступать как политический публицист. Я бы предпочел этого не делать» [Солженицын, 1997, с. 301].

Тем не менее при публицистическом обращении к фигуре Петра и петровским реформам Солженицын, как и Толстой, достаточно категоричен в оценках. Солженицын отказывает царю в уме – «заурядный, если не дикарский ум», и в звании реформатора. По Солженицыну, «трудно сохранить за Петром звание *реформатора*: реформатор – это тот, кто считается с прошлым и в подготовке будущего смягчает переходы. /.../ Петр был не реформатор, а – *революционер* (и большей частью – без надобности в том)» [Солженицын, 1995, с. 621]. В чем же Александр Исаевич обвиняет Петра I? «Он не возвысился до понимания, что нельзя переносить (с Запада) отдельные результаты цивилизации и культуры, упустя ту психическую атмосферу, в которой они (там) созрели. Да, Россия нуждалась и в техническом догоне Запада, и в открытии выхода к морям, особенно к Чёрному. /.../ Нуждалась – но не ценой того, чтобы ради ускоренного промышленного развития и военной мощи – растоптать... исторический дух, народную веру, душу, обычаи. (По нынешнему опыту человечества мы можем видеть, что никакие материальные и экономические “прыжки” не вознаграждают потерь, понесенных в духе.) Пётр уничтожил и Земские Соборы, даже “отбил память о них” (Ключевский). Взнуздal Православную церковь, ломал ей хребет. Налоги и повинности росли без соотнесения к платёжным средствам населения. От мобилизаций оголились целые области от лучших мастеров и хлеборобов, поля зарастали лесом, не прокладывались дороги, замерли малые города, запустеневали северные земли – надолго замерло развитие нашего земледелия. Крестьянских нужд этот правитель вообще не ощущал. Если по Уложению 1649 года крестьянин хотя и не

мог сходить с земли, но имел права собственности, наследования, личной свободы, имущественных договоров, то указом 1714 о единонаследии дворянства – крестьяне перешли в прямую собственность дворян. Пётр создал – на 200 лет вперёд – и слой управляющих, чуждый народу если не всегда по крови, то всегда по мироощущению. А ещё эта безумная идея раздвоения столицы – перенести её в призрачные болота и воздвигать там “парадиз” – на удивление всей Европы – но палками, но на той фантастической постройке дворцов, каналов и верфей загоняя вусмерть народные массы, уже так нуждающиеся в передышке. Только с 1719 по 1727 население России убывало умершими и беглыми почти на 1 миллион человек, то есть едва ли не каждый десятый! (Не случайно в народе создалась устойчивая легенда, что Пётр – самозванец и антихрист. Его правление сотрясилось бунтами.) Все великие и невеликие дела Петра велись с безоглядной растратой народной энергии и народной плоти» [Солженицын, 1995, с. 619 – 620].

Солженицын ставит Петра в один ряд с Иваном IV Грозным: «Для национальных мыслителей России оба эти царя были предметом порицания, а не восторга, а народное сознание, фольклор решительно осудили первого как злодея, второго как антихриста. Что Петр I разрушал русский быт, обычаи, сознание, национальный характер, подавлял религию (и встречал народные бунты) – это лежит на поверхности, это всем известно» [Там же, с. 395].

Монологичность и односторонность характеристик Петра I и его преобразований в системе художественных координат произведений А.Солженицына начинает видоизменяться, встраиваться в сложную историософскую авторскую парадигму, подчиняться историософской стратегии художника. Самое главное, по утверждению самого автора, произведение писателя – «повествование в отмеренных сроках» «Красное Колесо», первой часть которого стал Узел «Август Четырнадцатого», открывается автобиографическими главами, посвященными семье Лаженицыных: «И в свой холостой год между гимназией и университетом Саня выпросился у отца съездить посмотреть места их предков (а на самом деле еще и ко Льву Толстому метил попасть). Дед Ефим, когда жив был, рассказывал, что на его пращура Филиппа напустился царь Петр – как смел поселиться инде без спросу, и выселил, и слободу их Бобровскую сжег, так осерчал» [Солженицын, 2007, с. 23]. Именно в этом произведении наиболее ярко проявились особенности художественной историософии Солженицына, в частности, возможностный модус мышления Солженицына, позволяющий ему выводить актуализированное в реальности историческое событие за рамки традиционных причинно-следственных связей и формировать авторскую схему развития сюжета российской истории, а также принцип исторической аналогии.

Проблемы, связанные с нарушениями в основании историософской вертикали, т. е. в системе глубинных отношений человека и Бога, у Солженицына естественным образом влияют на горизонталь причинно-следственных связей исторической реальности, явленной в систе-

ме историософской парадигмы писателя через Узлы. Главная формула всех катастроф XX в. и, в частности, российской революции заключена в следующем: «Люди – забыли – Бога». Попытка обозначить причинно-следственные связи главной трагедии русской истории приводят Солженицына к поиску Узлов, в точках которых исторический процесс как бы сбивается с истинного пути. Первым узловым моментом такого рода становится, по мысли писателя, Смута XVII в. как время «разорений Руси и разврата душ» и последовавший за ней церковный раскол, который «отозвался нашей слабостью и в XX веке» [Солженицын, 1995, с. 617 – 619]; это «был такой удар по хребту русскому, который сказался и в 1917 году. Если бы не было того раскола... если бы не начали... теснить, искоренять собственное тело, мы были бы гораздо крепче к XX веку» [Солженицын, 1997, с. 362]. Петр I усугубил раскол, окончательно подавив насильственными преобразованиями религиозный дух и национальную жизнь, увлекшись «интеллектуальными играми» Запада. Кроме того, он расколол народ социально, расслоил русских как бы на две разные нации, создав чуждые народу слои населения, например, «слой управляющих», а также положил начало «петербургскому периоду» российской истории, мыслимому Солженицыным в исключительно пессимистическом контексте. Дальше колесо российской истории начинает свое стремительное качение к трагическим событиям XX в. При этом вычерчивается некая спиралеобразная схема движения истории, в системе которой некоторые разведенные в горизонтали временного вектора исторические Узлы трагическим образом соотносятся по характеру событийности, находясь при этом в причинно-следственных отношениях: «Три таких великих болезненных Смуты – Семнадцатого века, Семнадцатого года и нынешняя (90-х годов. – С. К.) – ведь они не могут быть случайностью» [Солженицын, 1995, с. 698]. Эти три трагические для истории эпохи как бы повторяют друг друга на определенных витках спирали графика исторического развития.

Идея повторяемости истории обнаруживает себя в «Красном Колесе», пересекаясь по смыслу с главным образом-символом повествования – колесом. Солженицын предлагает в повествовании целый спектр возможностей модусов в своей трактовке причинно-следственных связей истории, делая ставку во многом на внутренний духовный и душевный статус конкретного человека и на его чувство долга перед историей и будущим. Главная же вина Петра I в данной системе координат состоит в том, что он усугубляет духовную ситуацию раскола в русском народе, его реформы становятся мостиком к октябрьскому перевороту. Другими словами, образ Петра I видится Солженицыным в возможностном модусе его художественной историософии: не было бы Петра I, не было бы катастрофы 1917-го г. А если еще точнее, то если бы не Петр, то не было бы убийства Столыпина, а его «обширная программа переустройства России к 1927–1932 годам, быть может, превосходящая реформы Александра II, простёрла бы Россию ещё невиданную и небывавшую, впервые в полном раскрытии своих даров» [Солженицын, 1983, с. 243], если бы не «Август Четырнадцатого» – разгром русской армии, не «Март Семнадцатого» – низложение монархии, «Апрель Семнадцатого» –

общественный хаос, давший большевикам шанс для захвата власти, – все могло бы произойти иначе: и поражения можно было бы избежать, и трон устоял бы, и не было бы тех страшных эпилогов «Красного Колеса», включая Архипелаг ГУЛАГ, шарашку со всеми ее кругами, судьбы всех иванов денисовичей и, наконец, состояние России в обвале.

В художественной системе такого масштабного и сложно устроенного произведения, как «Красное Колесо», столь однозначно отрицательная характеристика образа Петра I и его роли в русской истории интересным образом смещается в несколько иную сторону при обращении Солженицына к вопросу о природе монаршей власти. Совершенно очевидно, что наивысшая активность в истории возможна лишь для исторических деятелей. Чем большей властью обладает эта историческая личность, тем более она ответственна перед историей, тем активнее и духовнее должна стать ее деятельность. В этом смысле интересным воплощением историософских взглядов писателя на проблему человеческого поступка и его роли в истории стала личность Николая II, столь последовательно воплощенная в повествовании «Красное Колесо» и столь интересующая писателя на всем протяжении его творчества.

При обрисовке образа Николая II Солженицын всячески подчеркивает одну из ключевых проблем его личности – фатализм царя. Как только возникали трудности – а это случалось слишком часто во время переполненного бедами правления Николая, – царь, как правило, сводил все к фразам о том, что все происходит по воле Божьей. Жизнь Николая II в «Красном Колесе» на всем протяжении его Узлов – это вереница нереализованных возможностей, предоставлявшихся человеку, который мог изменить ход истории, что опять-таки соответствует авторскому историософскому модусу восприятия событий. Ярко характеризует эту точку зрения Солженицына эпизод из «Октября Шестнадцатого», в котором описывается встреча царя с представителями Думы: «Если бы этот человек не был вечно скован заклатою непростотой от неуверенности в себе – ещё и в этот день ему доступно было изменить историю России: вдруг бы глянув открыто, улыбнувшись широко, руки депутатам пожимая по-мужски, да даже взойдя быстро на думскую трибуну под свой же холодный длинный портрет и оттуда с широкой душой открывшись российским подданным /.../. Но ещё со смертью Александра III умерла энергия династии и её способность говорить открытым полным голосом» [Солженицын, 1984, с. 328]. Даже императрица Александра Федоровна упрекает своего царственного супруга за то, что он, призванный защищать ее «в грозе и гнев», «не защищал её даже тогда, когда, в старой Ставке, Николаша с императорскими офицерами и великими князьями обсуждали, как живую, царствующую, нераскоронванную императрицу – запереть под замок, как вещь, как зверя» [Солженицын, 1984, с. 542]. Ее призыв к мужу – это призыв к активной деятельности, к решительности: «Будь твёрдым и внушай страх, ведь ты мужчина! Будь как железо. Дай почувствовать им всем твою волю и решительность! Хвати кулаком об стол! Будь хозяином! Правит царь, а не Дума! Будь Петром Великим, Иоанном Грозным, императором Павлом – и раздави их всех под собой! Будь львом против малой кучки негодяев

республиканцев! Идёт война – и в это время внутренняя война есть государственная измена...» [Солженицын, 1984, с. 536].

В призыве царицы возникают два имени, столь важные для Солженицына в его понимании роли решительного поступка в контексте исторического процесса. Речь идет о Петре I и Иване Грозном. Понятно, что к Петру I Солженицын относится отрицательно, видя в его деятельности лишь силу, способствующую секуляризации русского общества и западнизации русской культуры. С учетом отрицательной оценки революции как явления становится очевидной и негативная оценка деятельности Петра I как исторической личности. При этом саму личность Петра как источник максимально деятельного начала Солженицын оценивает достаточно высоко. В частности, трагически погибшего председателя совета министров Петра Столыпина, к исторической фигуре которого писатель относится с нескрываемой симпатией, а в активности его видит синтез духовности и решительности, Солженицын сравнивает именно с Петром I: «Это опять был Петр над Россией – такой же энергичный, такой же неутомимый... такой же преобразователь, но с мыслью иной, и тем отличаясь от императора Петра» [Солженицын, 1983, с. 223]. Николай II, этот милый, добрый, мягкий человек, порочен, так как нерешителен в своей деятельности: «Может быть, все предшествующие цари романовской династии были нравственно ниже Николая II, – и конечно Пётр, топтавший народную душу, и себялюбивая Екатерина, – но им отпустилось за то, что они умели собою представить необъятную силу России» [Солженицын, 1995, с. 471].

Николая II Солженицын характеризует как «христианина на троне», подчеркивая в своих «Размышлениях над Февральской революцией», что «монархия – сильная система, но с монархом не слишком слабым» [Солженицын, 1995, с. 470]. И если в «Красном Колесе» как в сложном художественном целом образ Николая II столь же объемлен и сложен, а автор предоставляет все-таки право любому человеку, в том числе и монарху, сделать свой выбор и объясняет этот выбор со всей мотивированностью и психологической глубиной, то в «Размышлениях» Солженицын однозначно и бесповоротно утверждает, что решительные действия царя и армии могли предотвратить и революционную катастрофу, и гражданскую войну, и последующий террор, и гибель миллионов, могли изменить судьбу России: «Слабый царь, он предал нас. Всех нас – на всё последующее» [Солженицын, 1995, с. 477]. Так, Николай II, «христианин на троне», порочен, так как нерешителен в своей деятельности, а образ Петра I, как ни странно, в системе оценки Солженицыным феномена монаршей власти приобретает положительную коннотацию за счет используемого художником принципа исторической аналогии.

Литература

Мардов И. Б. Лев Толстой. Драма и величие любви: Опыт метафизической биографии. М.: Прогресс – Традиция, 2005. 632 с.

Солженицын А. И. Публицистика: в 3 т. Т. 1. Ярославль: Верхняя Волга, 1995. 720 с.

Солженицын А. И. Публицистика: в 3 т. Т. 3. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. 560 с.

Солженицын А. И. Собр. соч. в 20 т. Т. 12: Красное Колесо. Вермонт; Париж: YMCA-Press, 1983. 546 с.

Солженицын А. И. Собр. соч. в 20 т. Т. 14: Красное Колесо. Вермонт; Париж: YMCA-Press, 1984. 588 с.

Солженицын А.И. Собр. соч. в 30 т.: Т. 7: Красное Колесо. Узел I. Август Четырнадцатого. Книга 1. М.: Время, 2007. 432 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное издание): в 90 т. Т. 61. М.: Гослитиздат, 1958.

References

Mardov I.B. *Lev Tolstoy. Drama i velichiye lubvi: Opyt metaphizicheskoy biografii.* Moscow, Progress-Traditsiya, 2005, 632 p. (In Russian).

Solzhenitsyn A. I. *Publitsistika v 3 t. T. 1.* Yaroslavl', Verkhnyaya Volga, 1995. 720 p. (In Russian).

Solzhenitsyn A. I. *Publitsistika v 3 t. T. 3.* Yaroslavl', Verkhnyaya Volga, 1997. 560 p. (In Russian).

Solzhenitsyn A. I. *Sobr. soch. v 20 t. T. 12: Krasnoye Koleso.* Vermont; Parizh:YMCA-Press, 1983. 546 p. (In Russian).

Solzhenitsyn A. I. *Sobr. soch. v 20 t. T. 14: Krasnoye Koleso.* Vermont; Parizh:YMCA-Press, 1984. 546 p. (In Russian).

Solzhenitsyn A.I. *Sobr. soch. v 30 t. T. 7: Krasnoye Koleso, Uzel I, Avgust Chetyrjadcatogo, Kniga 1.* Moscow, Vremya, 2007. 432 p. (In Russian).

Tolstoy L.N. *Poln. sobr. soch. (Yubileynoye izdaniye).* V 90 t. T. 61, Moscow, Goslitizdat, 1958. (In Russian).

Svetlana M. Kalashnikova (Rostov-on-Don, Russian Federation)

A.I. Solzhenitsyn about Peter I

In the article on the material of A.I. Solzhenitsyn's publicistic works and his "narration in the measured terms of the "Red Wheel" the image of Peter I was analyzed, whose evaluation coordinate system in the writer's work is based on the author's historiosophical concept of causal relations of Russian history explaining the 1917 catastrophe; it is proved that the monologue nature and one-sidedness of the characteristics of Peter I and his transformations, which are present in the texts of A. Solzhenitsyn's publicistic works, begin to change, integrate into the complex historiosophical author's paradigm, obey the artist's historical-philosophical strategy organizing the artistic "Red Wheel". The image of Peter I in the situation of Solzhenitsyn's assessment of the phenomenon of the royal authority acquires a positive connotation due to the principle of historical analogy used by the artist.

Key words: *A.I. Solzhenitsyn, Peter I, artistic historiosophy, "The Red Wheel", historiosophy of royal power.*

Svetlana M. Kalashnikova – candidate of Philology, associate professor. National Literature dpt. Institute of Philologu, Journalism and Cross-cultural Communication. Southern Federal University. Phone: 8-928-151-12-38; E-mail: svetkalash@mail.ru